

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСПОДИН ВОЕНЛЕТ

5

КОНДОТЪЕР БОГДАНОВ

347

От автора

Начиная работу над этой книгой, я не предполагал, с какими трудностями придется столкнуться. Первая мировая война и участие в ней России не получили надлежащего освещения в трудах отечественных историков. Что говорить о таком специфическом направлении, как применение на фронтах новейшего для того времени вида войск — авиации! Я не смог бы написать этот роман, если б не помощь замечательных людей. Петербуржец Борис Степанов стал моим научным консультантом и редактором. Он же подсказал ряд эпизодов, вошедших в текст. Алексей Лукьянов и Андрей Муравьев помогли мне с историческими источниками. На сайте «Авиация Первой мировой войны» и на моей страничке в Самиздате читатели давали мне добрые советы, обращали внимание на ошибки и неточности. Огромное им спасибо!

Глава 1

«...Ты будешь умирать долго, гяур!»

Голос хриплый, каркающий, знакомый. Чтоб ты сдох, черноголовый! Задолбал! Обязательно каркать при каждом воплощении?

Приоткрываю глаза. Дощатый потолок, вымазанный белой краской. Почему вымазанный, а не крашенный? Не знаю. Пусть... Оштукатуренные, побеленные стены. Неплохо. Осторожно осматриваюсь. Я лежу в кровати, прикрытый байковым солдатским одеялом. Скашиваю взгляд — на одеяло изнутри выпущен край свежей простыни. Под головой подушка — мягкая! Свезло мне нынче, ох как свезло!

Шевелю пальцами рук и ног — подчиняются. Сгибаю ноги в коленях, затем обнимаю себя руками. Получается. Руки-ноги слушаются, ничего не болит, ран нет. Легкая слабость в теле, но это всегда поначалу. Пора!

Рывком сбрасываю одеяло, сажусь, упираясь спиной в подушку. На мне только белье — рубаша и кальсоны. Кальсоны с завязками, последние распущены. Завязываю их, шарю взглядом по сторонам. На гвозде, вбитом в стену, висит серый халат, даже на вид теплый. Обувь? Наклоняюсь и заглядываю под кровать. Есть! Нечто вроде галош, только кожаных.левой рукой (почему левой — левша?), словно кот лапой, вытаскиваю опорки (вот и на-

звание вспомнилось), всовываю ноги. Нормально. Встаю, снимаю с гвоздика халат. Руки не сразу находят рукава — отвык. Запахиваюсь.

С соседней койки за моими манипуляциями с нескрываемым любопытством наблюдает человек в нижней рубаше и форменных военных галифе. Штанины галифе необъятной ширины, на ступнях толстые шерстяные носки, почему-то хочется назвать их чулками. Под койкой незнакомца стоят ботинки и лежат какие-то странные голенища с ремешками. На подоконнике кожаная каска с большим двуглавым орлом и кокардой спереди. Лицо у незнакомца молодое, простоватое, коротенькая вихрастая челка зачесана на аккуратный пробор, виски выбриты. Больше в комнате никого нет, две соседние койки пустуют.

Вежливо киваю соседу, иду к двери — пора осмотреться. За дверью широкий коридор. Пахнет чем-то резким, больничным. Карболка? Шагаю коридором. Никем не остановленный, распахиваю наружную дверь. В лицо ударяет сырой, напоенный влагой воздух. Я стою на широком крыльце, обрамленном некогда белыми, ныне обшарпанными колоннами. Просторный двор, внутри несколько повозок, крытых брезентом, возле повозок суетятся люди в суконных шинелях, защитных фуражках и серых мерлушковых папахах. Липы вдоль ограды стоят черные, без листьев. Весна? Осень?

Никто не обращает на меня внимания. Спускаюсь по ступенькам и рысцой бегу к дощатому сооружению в дальнем конце двора. Назначение сооружения угадывается без подсказок. Внутри слезоточивый запах хлора и белая известь, посыпанная вокруг прорезанных в доске дырок. Желтая струя ныряет в ближнее отверстие. С облегчением вас!

Обратно возвращаюсь не спеша. Здание, откуда я вышел, двухэтажное, с неуклюжим портиком и колоннадой, вокруг — боковые одноэтажные флигели. Железная крыша вымазана (опять это «вымазана») зеленой кра-

ской. Посреди крыши — большой белый квадрат, внутри него — красный крест. Такие же кресты на защитном брезенте повозок. Госпиталь, война. Я по назначению...

На крыльце переминается с ноги на ногу сосед по палате — вышел следом. Любопытный! На плечах его такой же халат, на ногах похожие опорки. Заметив меня, вихрастый лезет в карман и достает плоскую картонную коробку. Папиросы! Господи, сколько же я не курил?!

Он ловит мой взгляд.

— Не желаете? — протягивает коробку.

— Благодарю!

Осторожно беру папиросу, пальцы привычно сминают мундштук. Вихрастый чиркает спичкой. Благословенна ты, первая затяжка! На мгновение все вокруг плывет, но постепенно предметы возвращают очертания. Сосед смотрит тревожно. Киваю: все в порядке.

— Военлет поручик Рапота Сергей Николаевич! — говорит сосед и добавляет: — Можно просто Серж!

Военлет, поручик... Это куда меня занесло?

Рапота смотрит вопрошающе.

— Я не знаю, как меня зовут.

Лицо его вытягивается.

— Не помню, — поправляюсь я. — Может, вы знаете?

Он качает головой:

— Вас привезли вчера. Раздели в приемном покое, мундира вашего я не выдел. Но, поскольку положили к нам в палату, офицер. Контузия?

Развожу руками.

— Контузия! — заключает он уверенно. — Раз не помните. Германец вчера Осовец из орудий обстреливал. Там вас и контузило, больше негде.

Германец?

— Как зовется это место, Сергей Николаевич?

— Можно просто Серж. Или Сергей...

Он краснеет, и я вдруг понимаю: поручику от силы лет двадцать. Или двадцать один. А мне?

— Так как, Сергей?

— Белосток! Раненых в Осовце везут в Белосток. Крепость под огнем.

— Какой сегодня день?

Удивление мелькает на его лице, мгновенно сменяясь пониманием.

— Четырнадцатое апреля тысяча девятьсот пятнадцатого года от Рождества Христова...

Вот и определились...

Бросаем окурки и возвращаемся в палату.

Явление второе: те же лица плюс юное создание. У создания пухленькое личико, такие же губки, вздернутый носик и голубые глаза. Наверное, здесь это считается красивым — создание держится надменно. На нем белая косынка, серое платье до пола и такой же белый передник. Под грудью на переднике — большой красный крест.

— Кто вам разрешил вставать, больной?

Оглядываюсь. Поручик Рапота сидит на койке и делает вид, что не при делах. Вопрос адресован мне.

— Кто разрешил? — не отстает создание.

Хм... В самом деле, кто?

— Почему молчите?

— Думаю. Не помню, что по прибытии в госпиталь мне говорили о необходимости спрашивать разрешения.

— Как вы можете помнить?! — возмущается создание. — Вас же без сознания привезли!

Внимательно осматриваю стены. Создание едва не подпрыгивает от негодования. Указываю на стены рукой.

— Здесь не написано, что я должен спрашивать.

Рапота за моей спиной фыркает. Создание багровеет.

— Вы! Вы...

Она исчезает, топоча каблучками.

— Улетела за подмогой, — комментирует поручик. — Сейчас прикатит тяжелая артиллерия. Берегитесь!

Хмыкаю и сажусь на койку. Уже дрожу...

— Оленька — хорошая барышня, — говорит Сергей со вздохом, — только разбалованная. Столько внимания! В госпитале полно мужчин, да еще рядом штаб корпуса...

По лицу поручика легко понять, что среди тех, кто уделял Оленьке внимание, был и он. Не покатило...

За дверью слышны тяжелые шаги — артиллерия на марше. Вот она вкатывает в палату — большая, грузная. Солидный живот едва прикрыт форменным кителем, двойной подбородок, большущий крючковатый нос. Видали мы такие шнобеля! Но этот парень не с Кавказа, его предки из более южных мест... На плечах гостя узкие погоны с одним просветом, звездочек нет. Майор? В начале двадцатого века майоров не было, их заменял чин полного капитана, и погон у них был чистый. Тоже неслабо.

Следом за офицером идет Оленька. Лицо ее излучает торжество: «Сейчас тебе покажут, грубиян!» Оленька тащит стул от стены, капитан грузно усаживается.

— Нуте-с...

Молчу.

— Пришли в себя? Давно?

— Полчаса назад! — подсказывает Рапота.

— Как самочувствие?

Молчу. Капитан понимает это по-своему.

— Извините, не представился. Коллежский ассессор Розенфельд Матвей Григорьевич, начальник госпиталя. Это, — кивок за спину, где топчется юное создание, — сестра милосердия Ольга Матвеевна Розенфельд, по чистой случайности — моя дочь...

Розенфельд смеется, видно, что шутка ему очень нравится. Лицо Оленьки, наоборот, кислое.

— Вы? — Розенфельд смотрит на меня.

— Не помню.

— Что конкретно? Имя, звание, полк?

— Совсем ничего.

— Снимайте рубаху!

Подчиняюсь. Розенфельд вкладывает в уши блестящие наконечники стетоскопа и прижимает холодный кружок к моей груди. Слушает долго, ворочая меня и заставляя то дышать, то не дышать. Затем извлекает из

кармана блестящий молоточек и выстукивает суставы. После водит молоточком перед глазами, заставляет показать язык.

— Странно... — бормочет, пряча молоточек. — Сердце здоровое, дыхание чистое, рефлексy в норме. Помните, что с вами произошло?

— Нет.

— Разорвался тяжелый снаряд, совсем рядом. Вас отбросило на несколько сажен. Вас сочли убитым и приготовили к погребению вместе с остальными... Батюшка читал заупокойную, как вы шевельнулись... Когда вас доставили в госпиталь, я счел дело безнадежным. А вы здоровы! Прямо чудесное исцеление!

Не в первый раз...

— Ах да, память... — спохватывается он. — Полная амнезия. Это пройдет.

— Как меня зовут, доктор? Не подскажите?

— Охотно. Красовский Павел Ксаверьевич, прапорщик Ширванского пехотного полка.

С отчеством мне, разумеется, «повезло», да и в чинах мы небольших. Розенфельд вопросительно смотрит на меня, я вновь качаю головой.

— Вы сын промышленника и потомственного почетного гражданина Красовского Ксаверия Людвиговича.

Еще лучше!

— Учились в Лондоне коммерции, но с началом войны вернулись в Россию и поступили вольноопределяющимся в школу прапорщиков в Петергофе. Оттуда в марте сего года выпущены в Ширванский полк.

— Вы много обо мне знаете!

— Неудивительно. Мы родственники.

Этого не хватало! С носатым и обрезанным?..

— В самом деле?

Розенфельд кивает.

— Моя покойная жена приходилась кузиной Надежде Андреевне, вашей... — Он умолкает и встает. — Это неважно. Поправляйтесь!

— Могу я попросить?

— Что?

— Зеркало!

Розенфельд смотрит на дочь. Оленька достает из-под передника маленькое зеркало, подносит. На меня смотрит худое, слегка скуластое лицо мужчины лет двадцати пяти. Высокий лоб, глубоко посаженные глаза, прямой нос, тонкие губы... Не красавец, но сгодится. На подбородке и щеках густая щетина. Трогаю рукой.

— Пришлю санитара, он побреет! — говорит Розенфельд.

Ольга прячет зеркало.

— Благодарю, кузина!

Оленька возмущенно фыркает. Розенфельд смеется и направляется к двери.

— Матвей Григорьевич!

— Да? — Он останавливается.

— Можно мне одежду? Не привык разгуливать в кальсонах.

— Вы о мундире?

Господи, конечно же, мундир!

— Я распоряжусь. Да, совсем забыл! Мне телефонировали, справлялись о вашем здоровье. Сказал, что пришли в себя. Ждите гостей.

Розенфельды уходят. Почти тотчас является солдат с тазиком и бритвенными принадлежностями. Мне намыливают лицо и начинают скоблить кожу опасной бритвой. Правили бритву давненько. Больно, но терплю. Солдат собирает остатки пены полотенцем, но не уходит.

— Вот, ваше благородие, теперь другое дело, — бормочет, переминаясь с ноги на ногу. — Прямо десяток лет скинули...

Подскочивший Рапота сует ему пару монет.

— Благодарствую, ваше благородие!

Солдат исчезает.

— Спасибо, поручик!

— Ерунда! — машет он рукой. — Ваши вещи в кладовой, а санитары привыкли. Не дашь — в следующий раз изрежут...

Вещи приносят скоро. Первым делом заглядываю в бумажник. Две красненьких и одна синенькая бумажки, несколько монет. Негусто, но на бритве хватит. Возвратить поручику долг не решаюсь: обидится, вон как смотрит! Облачаюсь в мундир. Его почистили, выгладили, причем недавно: ткань теплая и пахнет утюгом. Шаровары, китель — все в пору. По всему видать — шили на заказ. Форма из шерстяной ткани, плотной и теплой. Диагональ... По весеннему времени в самый раз. На груди какой-то эмалевый значок на винте. Что это — жетон или орден?

Натягиваю сапоги и прохожусь по палате. Поручик смотрит с улыбкой.

— Прапорщик Красовский Павел Ксаверьевич!

Щелкаю каблуками и бодаюсь головой, как белогвардейцы в кино. Рапота смеется.

— Хорошо б отметить исцеление!

Поручик вздыхает:

— Водки не купить. Только в ресторанах первого класса.

Совсем забыл! Его императорское величество изволили с началом войны запретить в России продажу спиртного. Патриотические чувства должны быть трезвыми. Его величество были добрым человеком, но дураком. Не он один. Позже на эти грабли наступят американцы, затем снова мы — уже при Горбачеве. Дурость имеет свойство воспроизводиться.

Приносят обед. Почему-то называют завтраком, хотя на часах полдень. Моих карманных часов. Серебряная изящная луковка с гравированной крышкой. Под крышкой белый циферблат с римскими цифрами и надписью: «Павель Буре». Цепочка, дарственная вязь на задней крышке: «Дорогому Павлуше!» Не забыть завести, это не кварц...